

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ МЕЧТАЛ УВИДЕТЬ КОЛИЗЕЙ

Публикация в рамках совместного проекта журнала
с Ассоциацией союзов писателей и издателей России (АСПИР).

—
ЕВГЕНИЯ НАЗАНЦЕВА
Родилась в 1986 году
в Таллине. Живет в Архан-
гельске. Лауреат премии
«Болдинская осень».
Публиковалась в журналах
«Звезда», «Москва», «Роман-
газета», «Пролитнульт».

Впервые Толик узнал о Колизее в девять. Было 3 января 1963 года, он держал в руках свежий номер «Пионерской правды», пахнувший типографской краской, и этот запах смешивался с запахами елки, мандаринов и врывающегося в открытую форточку свежего морозного утра.

«Человек, который хотел украсть Колизей» — назывался рассказ.

Толик не понимал, что еще за Колизей такой, зачем носить камни в квартиру, а в конце жизни восторгаться этим самым Колизеем, который прежде хотел разобрать на камни, и говорить, что он «наш»?

- Пап, что такое Колизей?
- Коли... что?
- Колизей, — повторил Толик.
- Первый раз слышу, — пожал плечами отец. — Спроси маму.

На кухне, как всегда в этот час, было тесно и людно. Перебивая друг друга, мешались запахи котлет и шей, соленой трески и гречневой каши, вареной картошки и винегрета, квашеной капусты и соленых огурцов. Мать готовила ужин, болтала с соседкой о профсоюзных путевках в санаторий и знать не знала ни о каком Колизее.

На следующий день Толик отправился в библиотеку.

– Здравствуйте, — сказал он, помявшись. — Есть у вас книги Джанни Родари?

Библиотекарша, строгая старушка в роговых очках, с собранными в пучок жидкими седыми волосами, скрылась между стеллажами. Спустя несколько минут она вынесла книгу. На затертом коричневом картонном переплете был нарисован мальчик в зеленых штанах с луковицей вместо головы.

- Тебе повезло, — сказала старушка. — Обычно она на руках. — И строго добавила: — Обращайся аккуратно!
- А есть в ней что-нибудь про Колизей? — неуверенно спросил Толик. И тут же понял, какую глупость сморозил: он недавно видел мультфильм про Чиполлино в кинотеатре — о Колизее там и слова не было.

Строгое морщинистое лицо осветилось улыбкой.

- Пойдем со мной, — ласково сказала библиотекарша.

Она привела Толика в читальный зал и положила перед ним толстый том по истории Древнего мира.

- Для начала почитай вот здесь. — Старушка открыла книгу на странице с фотографией какого-то старинного стадиона. — Это и есть Колизей.

Годам к семнадцати Толик легко отличал собор Святого Петра от венецианского Сан-Марко, а Рафаэля от Микеланджело. Его мечтой было увидеть

На альбомы с видами Рима, Венеции и Пизы, репродукциями Тициана и Караваджо уходили почти все свободные деньги – те, что не откладывались на путевку в Италию. Книги привозились, доставались, перекупались с рук...

Колизей в слепящих лучах знойного итальянского солнца, как тот человек в последних строках рассказа из «Пионерской правды».

Рассказ не попадался ему больше нигде. Номер газеты вот уже семь с половиной лет бережно хранился в ящике письменного стола. На стенке, над кроватью, канцелярскими кнопками поверх стареньких обоев была прикреплена почтовая открытка с изображением Колизея, подаренная ему когда-то Зоей Федоровной, той самой библиотечаршей.

В Эрмитаже он жадно всматривался в «Мадонну Литту» Леонардо, пока другие будущие токари-фрезеровщики отчаянно зевали, мечтая побыстрее сбежать, чтобы прокатиться на метро или потанцевать на летней танцплощадке.

– Ну, хвастайся покупками! – сказал отец, когда Толик вернулся из Ленинграда.

Толик достал из чемодана портативный радиоприемник и машинку для поднятия чулочных петель.

– Я ведь тебе на джинсы давал! Мимо такого жениха ни одна бы невеста не прошла! Пришел бы с армии – а там и свадьбу играть можно. Мы с матерью внуков хотим увидеть.

– С приемником на даче веселее, ты давно хотел. А о машинке мама года три мечтает.

Отец промолчал. Потом, через несколько мгновений, добавил:

– Себе-то хоть купил что-нибудь?

– Книгу, – ответил Толик и достал из сумки альбомом с эрмитажной коллекцией итальянского Возрождения.

Отец посмотрел цену на обороте.

– Да за такие деньги месяц в заводской столовой питаться можно! И еще останется. – Он махнул рукой и добавил со вздохом: – Эх, что с тебя взять! И в кого ты такой?

Потом взял в руки приемник и с совершенно радостной, какой-то детской улыбкой принялся его рассматривать.

Джинсы купили через месяц у фарцовщика на Бакарице*. Невесту Толик так и не встретил – ни до армии, ни после.

К двадцати семи годам Анатолий все еще не был женат – к глубочайшей печали родителей, которые уже отчаялись увидеть внуков. Зато коллекция книг об итальянском искусстве росла и множилась, занимая уже пять полок самодельного стеллажа в родительской «двушке», которую они получили вскоре после возвращения Анатолия из армии.

На альбомы с видами Рима, Венеции и Пизы, репродукциями Тициана и Караваджо уходили почти все свободные деньги – те, что не откладывались на путевку в Италию. Книги привозились, доставались, перекупались с рук... Говорить о творческом пути Модильяни и сонетах Петрарки к тому времени стало не с кем – Зоя Федоровна вот уже более трех лет пребывала в мире ином.

– Следующий – Копосов Анатолий Васильевич, – назвала секретарша его имя.

Анатолий зашел в кабинет и сел напротив заводского профорга.

– Анатолий Васильевич? – спросил он, открывая папку с его личным делом.

– Да, я, – ответил Анатолий, заметно волнуясь.

– Вы подавали заявку на путевку в Италию?

– Д-да.

– Так-так... Токарь-фрезеровщик четвертого разряда, отличник производства. Грамоты, благодарности... Что ж вы на пятый разряд не подаете, Анатолий Васильевич? С вашим послужным списком давно пора.

– Да я... как-то не думал, – ответил Анатолий, окончательно растерявшись.

– Надо поговорить с вашим начальником цеха.

* В советские годы – международный торговый порт под Архангельском (прим. автора).

Время словно повернулось вспять. Снова был запах елки, мандаринов и бодрящего морозного воздуха, влетавшего в квартиру сквозь открытую форточку. Снова был девятилетний Толик – два девятилетних Толика. И старая пожелтевшая газета, казалось, вновь пахла свежей типографской краской.

А в партии вы как давно?

- Как все, с восьмого класса.
- Что? До сих пор в комсомоле? – спросил проф-орг с деланым удивлением. – Не дело это, Анатолий Васильевич. Посоветую вас к членству, пора-пора. Можете быть свободны.
- П-простите, а поездка?
- Да-да, конечно, поездка, совсем забыл! Видите ли, Анатолий Васильевич, предприятие у нас закрытое. Специалистов вашего уровня в капстраны выпускать не рекомендуется.

Мечты о Колизее разбивались с хрустальным звоном, рассыпаясь цветными осколками муранского стекла, которого Анатолий никогда не видел. Сквозь этот звук, словно пробиваясь через сетку телевизионных помех, доносились слова профорга:

- Да вы не расстраивайтесь. Могу предложить Занзибар. Смотрели «Клуб телепутешествий»? Удивительная страна! Не желаете?..

Дома Анатолия ждал накрытый стол и неожиданные гости.

- А вот и Толенька, – услышал он еще с порога голос матери, спешившей ему навстречу.

Почти натуральная блондинка Люсьена служила на почте и была тремя годами старше. Через два месяца Анатолий, токарь-фрезеровщик пя-

того разряда, вышел из ЗАГСа в новом статусе. На следующий день он улетел с супругой в Крым по путевке, что едва ли не насильно вручил ему профорг вместо Италии.

Через год мечта родителей о внуках сбылась – у Анатолия родился сын. Еще через два – дочь. А еще через четыре, в июле 1987-го, он наконец нашел тот рассказ, с которого все началось.

- Люська! – закричал он с порога, размахивая сборником «Сказок по телефону». – Смотри, что я детям купил!
- Кричишь, будто машину выиграл, – сварливо ответила жена, прикрывая ладонью телефонную трубку, и тут же вернулась к разговору. – Здесь я, Нин... Книжку очередную купил, радуется, как дите... Да лучше бы в гараже, толку от его книжек... А кто с этим кооперативом подсуетился? Да что за граница? Далась ему эта за граница! Бакарица – та же за граница.

В декабре 1990-го тридцатисемилетний Анатолий, токарь-фрезеровщик шестого разряда, был обладателем трехкомнатной кооперативной квартиры, автомобиля «Лада» девятой модели модного вишневого оттенка, не очень счастливым мужем, но достаточно счастливым отцом девятилетнего сына и семилетней дочери. Стеллаж с книгами, перевезенный из родительской квартиры, за годы семейной жизни заполнился едва ли на один ярус. В ближайшие десять лет появиться в коллекции новым экземплярам было не суждено.

- А это что?
- Это отца. Он в молодости собирал. И потом, когда я был маленьким.
- А потом?
- Потом перестал, денег не было.
- Он преподаватель?
- Нет, фрезеровщик на заводе.
- Мне кажется, твой отец очень интересный человек.

На сорок восьмой день рождения Анатолий Васильевич получил в подарок от сына-студента букинистическое издание «Жизнеописаний наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» Джорджо Вазари.

Когда завод дружно провожал на пенсию одного из старейших своих сотрудников, шестидесятилетнего токаря-фрезеровщика седьмого разряда Анатолия Васильевича Копосова, его коллекция

литературы по итальянскому искусству с трудом вмещалась в три книжных шкафа. Старый номер «Пионерской правды» и почтовая открытка с Колизеем, позабытые, затерялись среди книг, раритетных и не очень. Жизненная воронка привычно вращалась между квартирой, дачей, машиной, детьми, внуками и коллекцией. Книгами заполнился четвертый шкаф.

В ту зиму на Новый год к ним приехал сын с семьей.

– Деда, почитаешь? – подсел на диван девятилетний внук, его тезка. – Папа сказал, это его любимая в детстве была.

Толик протягивал Анатолию Васильевичу то самое издание «Сказок по телефону», что он читал своим детям в таком близком и таком далеком восемьдесят седьмом.

– С какой начнем?

– Вот эту, про человека, который хотел украсть Колизей. Моя любимая.

– Постой. Хочу тебе кое-что показать.

Время словно повернулось вспять. Снова был запах елки, мандаринов и бодрящего морозного воздуха, влетавшего в квартиру сквозь открытую форточку. Снова был девятилетний Толик – два девятилетних Толика. И старая пожелтевшая газета, казалось, вновь пахла свежей типографской краской.

– Алло, Нин... Дела как? Десять банок огурцов закатала... Слышь, Нин, старик мой совсем сбрендил... Седина в бороду – бес в ребро... Какая баба в семьдесят лет, Нинк, ты в своем уме? Я ему такую бабу дам!.. Продал всю свою макулатуру... Вместе со шкафами, газету только какую-то оставил... А кто его знает, видать, надо кому... Да ну его, на даче дел полно, а он по Италиям своим катается, Клизей какой-то смотрит... Внука с собой взял, младшенького...

В девять часов утра 8 августа 2022 года шестидесятидевятилетний Анатолий Васильевич впервые сидел на нагретых, выбеленных, выщербленных от множества ног, от солнца и дождя, от ветра и времени ступенях Колизея, подставляя лицо слепящему, знойному итальянскому солнцу у себя над головой. Все было ровно так, как он представлял себе почти шестьдесят лет назад.